

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152

Научная статья / Research paper

В.Н. Конышев, А.А. Сергунин*

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

В последние годы военно-политическая ситуация в Арктике существенно изменилась. Этот регион стал стремительно утрачивать статус «зоны мира и сотрудничества», превращаясь в арену всё более напряженного межгосударственного соперничества. Знаковым событием в эволюции военно-политической обстановки в Арктике стало присоединение Швеции и Финляндии к НАТО. В данной статье предпринимается попытка выявить причины и движущие силы этих процессов, а также оценить, какие угрозы они таят для национальной безопасности России. В первой части статьи авторы показывают, что страны НАТО, ссылаясь на растущую гибридную угрозу со стороны Российской Федерации, сами развернули активную информационную кампанию в духе гибридной войны, направленную на демонизацию образа России и утверждение в общественном сознании черно-белой картины реальности по типу «игры с нулевой суммой» времен холодной войны. При этом авторы подчеркивают, что такая антироссийская кампания началась задолго до обострения «украинского кризиса»: она является отражением осознания американскими элитами нарастающего снижения влияния США, эрозии «порядка, основанного на правилах». Во второй части статьи проанализированы конкретные шаги,

* *Конышев Валерий Николаевич* — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: konyshev06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); *Сергунин Александр Анатольевич* — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: sergunin60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).

** Исследование выполнено в рамках проекта № 116233367 «Развитие Северного морского пути как части «синей» экономики Арктической зоны Российской Федерации» по линии Санкт-Петербургского государственного университета.

предпринимаемые Соединенными Штатами и их союзниками в целях наращивания своего военно-политического влияния в Арктике, ускоренной милитаризации региона. Особое внимание уделено двусторонним соглашениям о сотрудничестве в области безопасности между США и Норвегией, Швецией, Финляндией и Данией. Согласно данным договорам, Вашингтон получил возможность размещать личный состав, технику и вооружения в этих странах на постоянной основе, проводить военные учения. В этих условиях к основным угрозам военной безопасности России в Арктике, по мнению авторов, следует отнести: наращивание инфраструктуры и размещение в регионе войск США/НАТО; формирование антироссийского блока скандинавских государств под управлением Североатлантического альянса; модернизацию вооруженных сил арктических держав; активизацию военно-морской деятельности стран НАТО в арктических морях. В целом приходится констатировать, что с точки зрения национальных интересов РФ военно-стратегическая обстановка в Арктике значительно ухудшилась. В то же время авторы подчеркивают, что и текущую ситуацию в регионе, и возможные сценарии ее развития в будущем нельзя оценивать в отрыве от рассмотрения общего кризиса международных отношений, замыкаясь лишь на региональных аспектах безопасности. Одновременно с Арктикой военное напряжение нарастает в других регионах мира, также требующих ресурсов Запада для поддержания там своего влияния.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, НАТО, военная безопасность, угрозы, внешняя политика, стратегия, гибридная война

Для цитирования: Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152.

Valerii N. Konyshev, Alexander A. Sergunin

MILITARY SECURITY IN THE ARCTIC: NEW THREATS TO RUSSIA

*St. Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034*

In recent years, the military and political landscape in the Arctic has changed significantly. This region has been rapidly losing the status of a 'zone for peace and cooperation', turning into an arena of increasingly intense interstate rivalry. The accession of Sweden and Finland to NATO became a landmark event in

the evolution of the military and political situation in the Arctic. This article attempts to identify the causes and driving forces behind these processes, as well as to assess the threats they pose to Russia's national security. In the first section the authors argue that the NATO countries under the pretext of the growing hybrid threat from the Russian Federation have themselves launched an active information campaign in the spirit of hybrid warfare aimed at demonizing Russia and enforcing on public a Cold War-style black-and-white picture of reality as a 'zero-sum game'. Moreover, the authors emphasize that this anti-Russian campaign began long before the aggravation of the 'Ukrainian crisis'. As such, it reflects the American elites' awareness of the growing decline in the U.S. influence and the erosion of the 'rules-based order'. The second section examines the specific steps taken by the United States and its allies in order to build up their military and political potential in the Arctic and accelerate the militarization of the region. Special attention is paid to the bilateral agreements on security cooperation between the United States and Norway, Sweden, Finland, and Denmark. According to these agreements, Washington was able to deploy personnel, equipment and weapons in these countries on a permanent basis and conduct military exercises. In these conditions, the main threats to Russia's military security in the Arctic, according to the authors, include: deployment of the U.S. / NATO military infrastructure and troops in the region; the formation of an anti-Russian bloc of Scandinavian states under the control of the alliance; modernization of the Arctic powers' armed forces; intensification of naval activities of NATO countries in the Arctic seas. In general, the military-strategic situation in the Arctic has already deteriorated significantly with regard to the national interests of the Russian Federation. However, the authors stress that both the current situation in the region and possible scenarios for its future development cannot be assessed in isolation from the general crisis of international relations, focusing solely on regional aspects of security. Apart from the Arctic, tensions are growing in other regions of the world, which also requires the West to allocate there more resources in order to maintain its influence.

Keywords: Arctic, Russia, USA, NATO, military security, threats, foreign policy, strategy, hybrid warfare

About the authors: *Valerii N. Konyshov* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: konyshov06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); *Alexander A. Sergunin* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: sergunin60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).

Acknowledgements: The research was funded by St. Petersburg State University under Project No. 116233367.

For citation: Konyshev V.N., Sergunin A.A. 2024. Military security in the Arctic: New threats to Russia. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152. (In Russ.)

Повышенное внимание к арктической политике, наблюдаемое с 2008 г. (символическое установление флага РФ на Северном полюсе), всегда сопровождалось дискуссиями о вопросах безопасности. При этом одна часть российских и зарубежных экспертов не без оснований рассчитывали, что Арктика останется «зоной мира и сотрудничества», указывая на объективные обстоятельства. Среди них — невозможность для любого государства осваивать Арктику, опираясь только на собственные ресурсы; обострение глобальных проблем, включая изменение климата и ухудшение окружающей среды; создание условий для сохранения традиционного уклада коренных народов Крайнего Севера; удаленность Арктики от промышленно развитых центров и коммуникаций; отсутствие непримиримых противоречий между прибрежными арктическими государствами по территориальным вопросам; трудности ведения крупных военных операций в сложных погодных и геомагнитных условиях [Byers, 2013; Bertelsen, 2019; Загорский, Тодоров, 2021; Тодоров, 2020; Коньшев, Сергунин, 2024].

Другая часть экспертов, признавая тезис о «зоне мира и сотрудничества», делали акцент на существовании в Арктике значительного конфликтного потенциала, который в определенных условиях может получить практическую реализацию. Они указывали на растущую конкуренцию за природные богатства Арктики на фоне глобального истощения ресурсов; неравный правовой статус различных участников арктической политики (прежде всего арктических и неарктических государств); политический раскол арктических держав по линии НАТО, оставляющий Россию в стратегическом окружении; тенденции к неоправданной милитаризации региона; сохранение режима ядерного сдерживания между Россией и США со времен холодной войны [Mikkola, 2019; Коньшев, Сергунин, 2018; Синчук, Журавель, 2017].

Однако в целом эксперты фиксировали относительно невысокие риски военной эскалации в Арктике, исходя из рациональности подходов ключевых акторов к вопросам безопасности. Предполагалось, что поддержание региональной безопасности отвечает интересам всех арктических государств, а значит, в основном зависит от эффективности политического регулирования. Считалось, что сложившийся режим безопасности в Арктике вполне устойчив даже при обострении противоречий в других регионах или по конкретным проблемам двусторонних и многосторонних отношений.

Однако после политического переворота в Киеве в 2014 г., воссоединения Крыма с Россией и начала специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г. военно-политическая ситуация в Арктике существенно изменилась [Сюэпин, Печерица, 2024; Paul, 2023]. Регион стал стремительно утрачивать статус «зоны мира и сотрудничества», хотя некоторые эксперты считают возможной нормализацию отношений в будущем [Kavanagh, 2024]. Знаковым явлением в эволюции военно-политической обстановки в Арктике стало присоединение Швеции и Финляндии к НАТО. Изменение стратегического окружения требует от России пересмотра политики по обеспечению своей безопасности.

В чем следует усматривать причины резкого ухудшения военно-политической обстановки в Арктике? Только ли в военных действиях России против Украины, которые были оценены Западом как незаконная агрессия? В чем состоят и насколько обратимы военно-политические изменения в регионе? Какие угрозы возникли в этой связи для России? В предлагаемой статье авторы попытались дать ответы на эти непростые вопросы.

Что стоит за утратой Арктикой статуса «зоны мира и сотрудничества»?

Ухудшение военно-стратегической ситуации в Арктике не связано с региональными проблемами безопасности, поскольку все они решались и решаются в международно-правовом поле. Если проанализировать западную риторику, то большинство политиков и экспертов просто декларативно продвигают тезис, что успех СВО России на Украине вызовет у Москвы соблазн повторить военный сценарий сначала в отношении бывших союзных республик (Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии), возможно, против стран Восточной Европы, а потом и в Арктике. При этом потенциальная агрессия Рос-

сии в Прибалтике и Восточной Европе объясняется ее стремлением вернуть статус великой державы [Götz, Staun, 2022] или неизжитыми имперскими амбициями [Mälksoo, 2022].

Поскольку применительно к Арктике этот сценарий выглядит неубедительным, основной акцент был перенесен на тему «гибридных угроз» [Коньшев, 2020]. При этом, хотя на Западе понятие «гибридная война» не определено на военно-доктринальном уровне [Коньшев, Парфёнов, 2019], в политико-дипломатической риторике оно получило самое широкое толкование. В наиболее радикальных оценках не просто отдельные действия, но и вся внешняя политика РФ приравнивается к гибридной войне [Treverton et al., 2018: 4; Chivvis, 2017: 316]. Поначалу в качестве ее основных объектов рассматривали Украину и страны Прибалтики, но постепенно западные эксперты включили в них и Арктику.

В силу размытости понятия «гибридная война» постоянное его употребление в политическом дискурсе способствует стиранию грани между состоянием войны и мира, что подтверждают западные эксперты [Menzel, 2018: 83]. Создав такой фон, довольно легко объявить любую внешнеполитическую деятельность Москвы проявлением гибридной угрозы или даже началом гибридной войны. Учитывая контроль Запада над мировыми потоками информации, можно предположить, что в данной риторике Россия оказывается в заведомо уязвимом положении.

Следующим шагом Запада, логически вытекающим из этой риторики, будет перевод внешней политики России в «серую зону» международного права для оправдания возможного использования мер военно-силового принуждения в ее отношении. Например, под лозунгом «справедливость важнее международного права», как это было в случае «гуманитарных интервенций». Примечательно, что в НАТО с 2015 г. ведется отработка практических действий всех участников альянса в ответ на гибридные угрозы, хотя доктринальное определение гибридной войны по-прежнему не выработано и сводится к комбинированию военных и невоенных средств, используемых в мирное и военное время¹.

Раскруткой дискурса гибридных угроз занимается специально созданный в Финляндии (г. Хельсинки) Европейский центр экспер-

¹ Countering hybrid threats // NATO. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed 14.05.2024).

тизы по противодействию гибридным угрозам. О размахе его деятельности говорит уже тот факт, что к работе привлекаются эксперты из 27 стран. На сайте центра публикуются исследования о гибридных угрозах со стороны России в Арктике. Подобные центры созданы в Литве, Латвии и Эстонии. Гибридные угрозы в прямом смысле формируются в дискурсе в русле социального конструктивизма. Согласно данному подходу, восприятие угрозы у лиц, принимающих решения (и в обществе), в целом формируется в процессе обсуждения вопросов безопасности, соответственно угроза считается реальной, если она устойчиво фиксируется в дискурсе. Это открывает широкие возможности для манипуляции общественным мнением через навязывание представлений об опасностях и угрозах.

Один из основных приемов, применяемых в русле этого дискурса, состоит в подмене понятий: любая реальная или потенциальная уязвимость западного государства трактуется как фактор гибридной угрозы со стороны России. Так, если в Финляндии не хватает собственной энергии, она считается уязвимой в этой сфере для воздействия извне. Если Россия предлагает построить ядерный реактор в Ханхикиви — она пытается создать гибридную угрозу Финляндии [Nuclear energy and the current security environment..., 2019: 13–14]. При этом если подобный проект предложит Япония или Франция, это будет трактоваться как пример энергетического сотрудничества.

Другой прием помогает отождествить любое действие России с гибридной угрозой. Для этого последняя делится на две формы: гибридное влияние, которое не обязательно несет прямой ущерб, и собственно гибридная угроза, которая связана с ущербом. К гибриднему влиянию приравниваются научная дипломатия, академическое сотрудничество, культурные связи, наблюдение и сбор информации, распространение фейк-новостей и даже владение собственностью иностранцами. К этой же форме относятся договоры о сотрудничестве с приграничными российскими городами (Бодё–Выборг, Никель–Киркенес, Иматра–Светогорск и др.), упоминание о роли Красной армии в освобождении Норвегии в ходе Второй мировой войны, роль Российской империи в становлении финской государственности [Harjanne et al., 2018: 9, 26–29; Gjørv, 2024: 16–18]. При этом нигде не оговаривается, при каких условиях гибридное

влияние превращается в гибридную угрозу, а это позволяет приравнивать к угрозе всё что угодно.

Об успешности обработки общественного мнения в Швеции и Финляндии говорит то, как быстро их граждане отказались от идеи нейтралитета: 60% шведов и 75% финнов поддержали вступление в НАТО. Правда, экономическим элитам и оборонно-промышленному комплексу тоже намекнули, что у них будут проблемы в случае невступления страны в альянс [Чеков и др., 2023: 21].

Таким образом, на экспертном и политическом уровнях с помощью манипуляции так называемыми гибридными угрозами Запад сознательно отсекает любую форму сотрудничества с Россией: культурную, политическую, экономическую. Концепция гибридных угроз, внедряемая Западом, стала инструментом реинкарнации черно-белого мышления по типу «игры с нулевой суммой» времен холодной войны.

Однако было бы упрощением видеть в деградации сотрудничества с Россией в Арктике только лишь злонамеренную политику отдельных государств или их политических лидеров. Глубинные причины роста враждебности просматриваются в общем ухудшении отношений Москвы и Вашингтона, которое происходило по мере укрепления самостоятельности России с конца 1990-х годов сначала во внутренней, а затем и во внешней политике.

Этапным событием для зарубежных политиков и экспертов стала Мюнхенская речь В. Путина в феврале 2007 г., которая была воспринята как дерзкий вызов со стороны России, чей совокупный потенциал, с точки зрения Запада, не соответствовал внешнеполитическим амбициям. С того момента и начался поворот к открытой враждебности со стороны Запада, причем сразу широким фронтом. В публичном поле символическая установка А. Чилингаровым российского флага на дне Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса была объявлена незаконным заявлением о суверенных правах²; за два года до начала Олимпийских игр в Сочи была организована масштабная кампания по их дискредитации³; одновре-

² Chivers C. Russians plant flag on the Arctic seabed // The New York Times. 03.08.2007. Available at: <https://www.nytimes.com/2007/08/03/world/europe/03arctic.html> (accessed: 23.05.2024).

³ Luhn A. 2014 Sochi Olympics: Corruption and censorship cast shadow over Russia's games // The Independent. 08.10.2013. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/2014-sochi-winter-olympics-corruption-and-censorship-cast-shadow->

менно во всех западных СМИ шла демонизация личности В. Путина⁴. Важно подчеркнуть, что всё это происходило еще до Майдана 2014 г. на Украине, который закончился обманом российского руководства лидерами Франции, ФРГ, Великобритании в отношении гарантий законной передачи власти украинской оппозиции. Одновременно Запад создавал очаги напряженности по периметру границ России путем военной и политической поддержки антироссийских режимов в Грузии и на Украине, которым было обещано вступление в Североатлантический альянс. Последовательно укреплялось оборонное сотрудничество США/НАТО с Польшей, Финляндией и Швецией.

В свою очередь неизбежность этого враждебного поворота к РФ, как представляется, в существенной мере объясняется общей тенденцией к упадку гегемонии США [Костенко, 2024]. Не желая уступать лидерские позиции, Вашингтон стал навязывать остальным государствам мировой порядок, «основанный на правилах», вводимых им по собственному усмотрению. Такое понимание мирового порядка закреплено в Стратегии национальной безопасности США 2022 г.⁵ В практическом плане это выражается в акценте на военно-силовой политике в различных регионах мира и жестком давлении США на государства, которые выступают с наиболее независимой политикой: на Россию и Китай [Мажуга, Толстых, 2023]. Страны Западной Европы утратили самостоятельность в формировании оборонной политики, о чем говорит подписание третьей Декларации о сотрудничестве между ЕС и НАТО (2023)⁶. Согласно документу государства, входящие в Евросоюз, должны участвовать во всех инициативах блока и рассматривать его как главный инструмент обеспечения своей безопасности. При главенствующей роли США в НАТО очевидно,

over-russia-s-games-8862690.html (accessed: 24.05.2024); Ahmed A., Martine F. Putin's challenge: The Circassians and the Winter Olympics // Al Jazeera. 04.04.2012. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2012/4/4/putins-challenge-the-circassians-and-the-winter-olympics> (accessed: 24.05.2024).

⁴ Motyl A. Putin, just evil enough // CNN. 25.07.2014. Available at: <https://edition.cnn.com/2014/07/25/opinion/motyl-putin-is-evil/> (accessed: 24.05.2024).

⁵ National Security Strategy. October 12, 2022. P. 3, 8–12, 16, 18, 48 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 11.02.2024).

⁶ Joint Declaration on the EU-NATO Cooperation. January 10, 2023 // NATO. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/1/pdf/230110-eu-nato-joint-declaration.pdf (accessed: 06.04.2024).

что политику безопасности своих западноевропейских союзников определяют из Вашингтона.

Таким образом, ухудшение сотрудничества с Россией в Арктике стало неизбежным следствием общего кризиса международной системы, связанного с падением влияния США, а воссоединение Крыма с РФ в 2014 г. и СВО в 2022 г. послужили лишь «ускорителями» уже запущенного Западом процесса деградации отношений.

Изменение стратегического окружения России в Арктике

После начала СВО «первой ласточкой» ухудшения отношений с Россией в Арктике стал объявленный Западом бойкот председательства РФ в Арктическом совете, при том что он не занимается вопросами безопасности. Затем были заморожены практически все формы сотрудничества с Россией и по другим направлениям, включая консультации по военной безопасности.

Вторым знаковым событием стала публикация в октябре 2022 г. новой арктической стратегии США, которая показала, что ухудшение отношений с Россией будет долговременным⁷. Вашингтон прямо нацелился на постепенное введение Арктики в зону ответственности НАТО и обеспечение там своего постоянного присутствия. Это выражается в планах строительства шести ледоколов, которое неоднократно затягивалось ранее; переориентации 11-й воздушно-десантной дивизии на действия в Арктике; существенной перестройке НОРАД (North American Aerospace Defense — система воздушно-космической обороны США и Канады), которая пока не может бороться с гиперзвуковыми целями и современными крылатыми ракетами; модернизации системы контроля подводной обстановки по линии Гренландия — Исландия — Великобритания, через которую российские подлодки выходят в Северную Атлантику. Наконец, в указанной стратегии РФ и КНР определены в качестве главных угроз в Арктике [Коньшев, Сергунин, 2023].

Первые ледоколы из запланированных к строительству начнут вводить в строй уже в 2025 г. Из них три тяжелых дизель-электрических военных ледокола будут способны пробивать лед до 2,5 м, т.е. круглогодично действовать в арктическом секторе США. Их

⁷ National Strategy for the Arctic region. October 2022. P. 5, 13–14 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed 27.06.2024).

предполагается оснастить ударными вооружениями, системами противоракетной обороны (ПРО) «Иджис» («Aegis») и системами разведки, управления, наблюдения и командования. В настоящее время около 70 подводных лодок США могут вести операции, в том числе подо льдами. Американские эсминцы и авианосцы способны действовать только в приарктических водах. Для действий в Арктике предназначены 54 истребителя F-22 «Raptor» и 6 истребителей F-35A, но в течение нескольких лет к ним планируется добавить еще 48 истребителей F-35A. Американские ВВС восстановили военную базу в Кефлавике (Исландия) для дозаправки и для полетов разведывательных самолетов P-8 («Посейдон») в европейской части Арктики [Tingstad et al., 2023: 21–23], а также аэродромы в Норвегии и Финляндии.

Однако условия для перелома военно-стратегической ситуации в Арктике готовились коллективным Западом исподволь, еще когда арктические государства успешно развивали механизмы и правовые рамки сотрудничества с Россией, а та же Канада выступала против расширения зоны ответственности НАТО на Арктический регион. Постепенное вовлечение нейтральных Швеции и Финляндии происходило по линии военно-технического взаимодействия с США, которое активизировалось сразу после окончания холодной войны. Оба государства приняли участие в программе НАТО «Партнерство ради мира», начатой в 1994 г. и задуманной как механизм адаптации будущих членов блока, и в ряде других его программ. При этом альянс последовательно проводил курс на выход за географические пределы зоны своей ответственности [Трунов, 2024].

В итоге армии арктических государств перешли на натовские вооружения и стандарты, получили опыт практического взаимодействия (Босния, Косово, Афганистан, Ирак, Ливия) и постепенно достигли оперативной совместимости с войсками альянса. При этом на словах и Стокгольм, и Хельсинки придерживались политики «военного неприсоединения». Военное сотрудничество еще более углубилось в 2014 г., когда Швеция и Финляндия стали ассоциированными членами НАТО [Чеков и др., 2023].

В пользу тезиса о последовательном стремлении Запада еще до начала СВО к получению односторонних военных преимуществ в Арктике говорят заключенные двусторонние соглашения о сотрудничестве в области безопасности. Между США и Норвегией такой договор был подписан в июне 2021 г. на 10 лет с возможностью

продления. Согласно документу, Вашингтон по своему усмотрению строит нужную инфраструктуру, размещает технику, вооружение, военный и гражданский персонал не только в оговоренных 4 объектах (авиабазы Рюгге, Сола, Эвенс; военно-морская база Рамсунд), «но и в других местах по взаимной договоренности»⁸. К таким объектам предусмотрен обоюдный доступ, но Норвегия не имеет права контролировать, что ввозят на них США. Кроме того, предусматриваются проведение маневров с участием других стран НАТО⁹, перемещение американских вооруженных сил и средств по территории Норвегии, дозаправка авиации, использование морских портов, а также вводится юрисдикция США на случай совершения уголовных преступлений американскими военнослужащими или привлеченными контрактниками.

После начала СВО в американо-норвежское соглашение были внесены поправки, согласно которым США получили в свое распоряжение еще 8 военных объектов: авиабазы Андойя, Орланд, Бардуфосс, военно-морскую базу Хааконсверн, гарнизоны Вернс и Сетермуен, топливный терминал Намсен, пещерный комплекс Осмарка (для оборудования складов, госпиталей и другой вспомогательной инфраструктуры)¹⁰. Важно заметить, что в Норвегии и ранее существовали военные склады США. По опубликованным в 2019 г. оценкам, только на базах Орланд и Вернс было накоплено вооружений и техники для развертывания бригады морской пехоты и автономных действий в течение 30 дней¹¹.

Вся созданная США военная недвижимая инфраструктура считается собственностью Норвегии, но Вашингтон может использовать

⁸ Defense Cooperation. Agreement between the United States of America and Norway. March 31, April 16, 2021. Treaties and Other International Acts Series 22–617. P. 10 // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/08/22-617-Norway-Defense-SDCA-Ready-for-Review.pdf> (accessed: 02.04.2024).

⁹ Defence cooperation between Norway and US essential for our security // Government. no. 08.04.2022. Available at: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/sdca_submitted/id2907892/ (accessed: 02.04.2024).

¹⁰ Edvardsen A., Martinussen B. New agreement gives US access to four new military areas in the North // High North News. 08.02.2024. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-agreement-gives-us-access-four-new-military-areas-north> (accessed: 27.06.2024).

¹¹ Цыганок А. Морские десантные операции США и Североатлантического блока // Независимое военное обозрение. 30.08.2019. Доступ: https://nvo.ng.ru/forces/2019-08-30/1_1059_desant.html (дата обращения: 05.03.2024).

е до тех пор, пока считает нужным. Интерес норвежской стороны состоит еще и в том, что накопленное американское оружие и имущество могут быть затем переданы или проданы Норвегии. Как отмечают норвежские эксперты, соглашение не предусматривает эффективного контроля на случай применения силы американскими войсками (в частности, против РФ): речь идет о координации, но не указаны механизм и участники подобных действий¹². Получается, что Норвегия может быть вовлечена в военный конфликт помимо своей воли.

В течение 2023 г. точно по такому же сценарию были подписаны соглашения с Финляндией, Швецией и Данией. После ратификации этих документов США получают неограниченный доступ к различным военным объектам: к 17 в Швеции¹³ и 15 в Финляндии¹⁴ (склады, полигоны, тренировочные центры, военно-воздушные базы, порты), в также к 3 военно-воздушным базам в Дании¹⁵. Согласно текстам соглашений Осло и Копенгаген явным образом не дали США разрешение на размещение на своей территории ядерного оружия, а Стокгольм и Хельсинки обошли этот вопрос молчанием. Правда, президент Финляндии А. Стубб допустил перемещение по территории страны ядерного оружия «в случае необходимости», но сделал оговорку, что окончательное решение о возможности его размещения оспаривается за правительством и парламентом [Плевако, 2024].

¹² Edvardsen A. New Norway — USA defense agreement allows extensive US authorities in the North // High North News. 08.06.2022. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (accessed: 16.07.2024).

¹³ Agreement of Defense Cooperation between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the United States of America. December 5, 2023 // Government.se. Available at: <https://www.government.se/contentassets/9938ae28ed8544d2b60b229e91fd0513/agreement-on-defense-cooperation-between-the-government-of-the-kingdom-of-sweden-and-the-government-of-the-united-states-of-america-date-and-place.pdf> (accessed: 06.04.2024).

¹⁴ Agreement of Defense Cooperation between the Government of the Republic Finland and the Government of the United States of America. December 18, 2023 // Finland abroad. Available at: <https://finlandabroad.fi/documents/35732/0/Finland%20US%20DCA%20-%20Finland%20Prime%20-%20English%20%281%29.pdf/ff602539-1854-bb30-8a5d-483304b08a59?t=1702559666029> (accessed: 02.04.2024).

¹⁵ Agreement of Defense Cooperation between the Government of Denmark and the Government of the United States of America. December 19, 2023 // Via Ritzau. 19.12.2023. Available at: <https://via.ritzau.dk/files/2012662/13765902/57437/da> (accessed: 02.04.2024).

Поскольку перечисленные объекты могут использоваться для учений по линии НАТО, возникает гибкий механизм, обеспечивающий США возможность фактически без контроля со стороны государств Северной Европы применять военную силу на основе двусторонних договоров либо в рамках альянса. Но в целом Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия, подписав соглашения о сотрудничестве в области безопасности, стали заложниками внешней политики США.

Логическим дополнением подобных вассальных отношений стало вступление Швеции и Финляндии в НАТО. Россия не только получила более 1000 км непосредственной границы с блоком за счет Финляндии: существенно повысились риски для стратегических ядерных сил, две трети которых традиционно находились на Кольском полуострове, а также для промышленных объектов Мурманской и Ленинградской областей.

На основе достигнутой консолидации США с союзниками формируется единое пространство с точки зрения планирования и управления военными действиями, связывающее Арктику и Балтику. Открываются возможности создания сил быстрого реагирования или других совместных формирований НАТО, ориентированных на Арктический регион. Например, объявлено о развертывании совместной авиационной группы «Норвегия — Швеция — Финляндия — Дания», которая может быть нацелена как на Кольский полуостров, так и на Северный морской путь. В ее состав войдут 250 истребителей, которые будут действовать в соответствии с концепциями НАТО по ведению совместных операций¹⁶.

Норвегии отводится роль главной опоры НАТО в Арктике в силу как ее стратегического положения (выход к Северному Ледовитому океану, близость к ядерному арсеналу РФ на Кольском полуострове, возможность быстрой переброски сил блока), так и наличия крупных боеспособных арктических подразделений (бригада «Север») [Трунов, 2024: 122–123]. Их укреплению США начали активно помогать с 2022 г., направляя в Норвегию своих военнослужащих для тренировок и получения опыта. В 2024 г. страна увеличила военные

¹⁶Четыре страны Европы решили создать флот из 250 истребителей // РБК. 24.03.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2023/641de19f9a79478488c8ba0c> (дата обращения: 18.04.2024).

расходы на 20% и доведет их уровень до 2% ВВП¹⁷. Еще с 2012 г. вооруженные силы Норвегии начали закупки новейших вооружений, включая фрегаты с системами ПРО, ракетные катера, подводные лодки, бронетехнику, а также замену F-16 на F-35. К 2024 г. количество последних должно достигнуть 50 единиц [Конышев, Сергунин, 2018]. Норвежские ВМС готовы к обеспечению операций НАТО в прилегающих морях, однако испытывают недостаток кораблей ледового класса. Анализ проводимых учений показывает, что НАТО отрабатывает военно-морские операции в направлении Шпицбергена и далее — Баренцева моря [Трунов, 2024: 126, 135–137].

Что касается Финляндии, то, по всей видимости, США уготовили ей роль передового плацдарма для возможных наступательных действий против России. Считается, что финская армия обладает высокой боеспособностью и хорошим материально-техническим оснащением [Чеков и др., 2023: 24]. В соответствии с этой установкой Хельсинки к 2024 г. увеличили военный бюджет на 36% для модернизации вооруженных сил. США одобрили продажу Финляндии зенитных ракетных комплексов (ЗРК) David's Sling, ракет класса «воздух–воздух» AIM-9X Block II для истребителей, планирующих управляемых бомб AGM-154, модернизацию систем залпового огня M270 MLRS¹⁸.

Можно предположить, что в настоящее время основной упор в развитии ударного потенциала Финляндии делается на ВВС, в состав которых входят:

- 35 истребителей F-35 (планируется к 2026 г.);
- 61 истребитель F/A-18C/D Hornet;
- 65 учебно-боевых Hawk Mk.51A и Hawk Mk.66;
- 28 учебно-тренировочных L-70 Vinka и G 115E;
- 3 военно-транспортных C-295M;
- 6 самолетов связи и управления PC-12;
- 5 самолетов связи PA-31 Navajo;

¹⁷ Норвегия увеличит оборонный бюджет в 2024 году на 20% // Центр анализа мировой торговли оружием. 04.10.2023. Доступ: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2023/1004/123575645/detail.shtml> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁸ Госдеп одобрил модернизацию для Финляндии пусковых установок M270 MLRS // Известия. 23.08.2023. Доступ: <https://iz.ru/1552981/2023-08-02/gosdep-odobril-modernizatsiu-dlia-finliandii-puskovykh-ustanovok-m270-mlrs> (дата обращения: 11.04.2024).

- 3 самолета аэрофотосъемки и морского патрулирования Learjet 35AS;
- 1 транспортный Fokker F27;
- 3 тяжелых военно-транспортных C-17 Globemaster-III (находятся в Венгрии).

К этому следует добавить, что только имеющаяся в Финляндии сеть аэродромов в два раза превосходит их количество в Карелии, Ленинградской и Мурманской областях¹⁹. Поставляемые в Финляндию модели F-35A способны нести на борту ядерную авиабомбу B-61, что создает условия для запуска программы по совместному использованию Вашингтоном и Хельсинки ядерного оружия. Однако это потребует времени, так как нужно еще создать соответствующую инфраструктуру и преодолеть сопротивление финского общества [Чеков и др., 2023: 25]. На территории Финляндии и Швеции вероятно появление элементов комплексов ПРО США/НАТО на базе ЗРК Patriot и David's Sling и включение их в единую систему управления и развертывания дополнительных сенсоров. Это позволит объединить возможности элементов ПРО в Балтийском и Арктическом регионах, тем более что Финляндия и Эстония подписали соглашение об интеграции систем береговой обороны. В США также изучают возможности интеграции ПРО с F-35, которые своими радарам помогут в наведении противоракет с более дальней дистанции, а в перспективе — в обнаружении пусков баллистических ракет с территории России [Чеков и др., 2023: 24].

Характер, масштаб и сценарии учений НАТО в Арктике тоже говорят о подготовке к наступательным действиям, причем эта тенденция началась до СВО. Уже с 2018 г. из 7 крупнейших учений альянса 4 были проведены в Арктике: Trident Juncture 18 (50 тыс. человек), Cold Response 22 (30 тыс.), Joint Viking 23 / Joint Warrior 23 (20 тыс.), Steadfast Defender 24 (90 тыс. человек). Последнее из этих учений, Steadfast Defender 24, проводилось с 1 февраля по 31 мая 2024 г. с участием всех стран НАТО. Основная цель — отработка реагирования на возможное нападение России на восточный фланг альянса. Таким образом, если прежде в сценариях учений фигуриро-

¹⁹ Крылов Н. Аэродромная сеть ВВС Финляндии — новая угроза России с северо-запада // Военный дипломат. 06.01.2024. Доступ: <https://m-diplomat.ru/politics/aerodromnaya-set-vvs-finlyandii-novaya-ugroza-rossii-s-severo-zapada> (дата обращения: 14.04.2024).

вало абстрактное недружественное государство, то теперь открыто демонстрируется угроза безопасности, исходящая от РФ.

Учения проходили во всех сферах: в космосе, воздушном пространстве, на земле, на море и в киберсреде. На начальной стадии отрабатывались переброска значительных сил из США и Канады в Европу и десантирование с моря на побережья арктических государств, на втором этапе — многосферное взаимодействие на территории Норвегии, Швеции, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Германии, Словакии, Румынии, Венгрии. При этом натовские маневры сопровождалась национальными в соответствии со спецификой потенциальных угроз. В учениях Steadfast Defender 24 задействовано: более 50 кораблей, от эсминцев до авианосцев, более 80 истребителей, вертолетов и дронов, 133 танка, 533 боевые машины пехоты. В МИД РФ отметили в связи с этими учениями, что Североатлантический альянс вернулся к сдерживанию времен холодной войны²⁰.

Помимо учений дестабилизирующее влияние на ситуацию в Арктике оказывают провокационные пролеты самолетов и проходы кораблей в спорных участках Северного морского пути. К ним относятся проливы Карские ворота (Новая земля), Вилькицкого, Шокальского (Северная земля), Санникова, Лаптева (Новосибирские острова). Если РФ считает их внутренними водами и требует получить разрешение на проход, то США относят их к открытому морю, где применим принцип свободы мореплавания. Вашингтон имеет специальную программу FONOP (Freedom of Navigation Operations)²¹ для утверждения своих прав. В этих случаях, с одной стороны, на США работает демонстрация флага в спорных акваториях, и они буквально заставляют прибрежное государство принять свою позицию, формируя норму обычного права (если удастся осуществить проход). С другой стороны, тестируется реакция другого государства: если его решительных действий не последует, то можно попытаться создать прецедент для оспаривания в суде статуса пролива.

²⁰ НАТО начало в Европе основной этап крупнейших за 40 лет учений // РБК. 01.02.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2024/65ba23439a79472c1662c119> (дата обращения: 22.03.2024).

²¹ Freedom of Navigation Report Annual Release. March 16, 2021 // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/freedom-of-navigation-report-annual-release/> (accessed: 27.06.2024).

Реализация программ США по созданию военных ледоколов укрепит соблазн опробовать FONOP на Северном морском пути, тем более что подобные случаи уже были. Еще в советские годы американские суда предпринимали попытки пройти эти воды, но это не удавалось [Byers, 2013: 143–146]. Однако в 2018 г. вспомогательное судно ВМС Франции «Рона» (A603 «Rhone») прошло пролив Вилькицкого без разрешения РФ. В 2021 г. США направили официальный протест против разрешительной процедуры, введенной Москвой. В 2022 г. силы российской противовоздушной обороны (ПВО) пресекли преднамеренное нарушение границы самолетом-разведчиком ВВС Великобритании. Перед РФ стоит задача контроля Северного морского пути и недопущения провокационных инцидентов [Чуркин, 2023: 42], поскольку в США по-прежнему считают, что Москва не имеет на это прав [Tingstad et al., 2023: 58].

Говоря о вероятном сценарии нападения на Россию в Арктике, российские военные отмечают, что альянс в угрожаемый период может развернуть в Норвежском и Баренцевом морях до 50 носителей крылатых ракет большой дальности морского базирования с 1000–1100 ракетами типа «Томагавк» («Tomahawk») на борту, а в Северном и Балтийском морях — 9 носителей со 180–200 ракетами того же класса. Конечно, при подобных оценках следует различать, с одной стороны, потенциал как совокупность ресурсов и планируемых действий, с другой стороны — эффективность этого потенциала в силу сдерживающих обстоятельств. Например, массированное развертывание сил в арктических морях едва ли удастся скрыть от средств разведки.

Тем не менее в планах США упомянутые крылатые ракеты вместе с палубной авиацией составляют основу концепции «быстрого глобального удара» для достижения стратегической инициативы в ходе скоротечных превентивных действий. Российские эксперты обращают особое внимание на амфибийно-десантные группы Корпуса морской пехоты США на базе универсальных десантных кораблей, несущих новейшие истребители F-35B. Примечательно в этой связи, что подготовка к десантным операциям стала важной частью учений НАТО Steadfast Defender 24. Согласно оценкам в зоне ракетного поражения оказывается до 90% территории РФ, и в случае нанесения нескольких последовательных ударов с высокой вероятностью будут поражены около 300 стратегических объектов. Морской ударный компонент дополняется системой ПРО морского базирования

«Иджис», которую США устанавливают на свои корабли и корабли союзников. Быстрыми темпами растет оснащение беспилотными аппаратами воздушного, надводного и подводного типа, которые могут применяться в комбинации с ракетными ударами [Евменов и др., 2023].

Об амбициозных и наступательных планах США в Арктике красноречиво говорит новая военная арктическая стратегия, принятая в конце июля 2024 г. В тексте этого документа Россия и Китай названы угрозами безопасности США. Основные направления американской военной стратегии включают развитие систем связи, управления, командования и разведки; совершенствование военной инфраструктуры; обеспечение постоянного военного присутствия в непосредственной близости от границ РФ в Арктике²².

Завершая, следует еще раз подчеркнуть, что наблюдаемую тенденцию к дестабилизации военно-политической обстановки в Арктике и возможные сценарии поведения ключевых игроков следует оценивать в контексте более общего кризиса международных отношений, не замыкаясь лишь на региональных аспектах безопасности. Арктика перестала быть «зоной мира и сотрудничества» на фоне нарастающего глобального хаоса. Военные конфликты вероятны и в других регионах мира, также требующих ресурсов Запада для удержания контроля.

* * *

С точки зрения национальных интересов РФ военно-стратегическая обстановка в Арктике значительно ухудшилась вследствие окончательной поляризации: Россия против государств — членов НАТО. Ситуацию усугубляет тот факт, что прежде нейтральные Финляндия и Швеция заняли наиболее радикальные антироссийские позиции. Поскольку общественному мнению Запада трудно объяснить антироссийскую политику в Арктике, указывая только на региональный кризис на Украине, эскалация напряженности прикрывается тезисом о гибридных угрозах со стороны России.

США и НАТО взяли курс на милитаризацию Арктики, исходя не из региональных угроз безопасности, а вследствие глубокой транс-

²² 2024 Arctic Strategy. Washington, D.C.: The Department of Defense, 2024. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (accessed: 10.09.2024).

формации международной системы, связанной с падением американского влияния. В результате тенденция к ухудшению отношений Запада и России в Арктике приобретает затяжной характер. Об этом же косвенно говорят программы военной модернизации Финляндии, Норвегии и других стран, рассчитанные минимум на 10 лет.

Совокупный военный потенциал НАТО в Арктике существенно превосходит потенциал России. Однако имеются и существенные недостатки, ограничивающие его функциональные возможности и снижающие реальную эффективность: малое количество ледоколов (многие из них не способны действовать в Арктике) и военных кораблей ледового класса, недостаточный опыт ведения операций и неадаптированность многих систем оружия к арктическим условиям, недостаточно полное по сравнению с РФ покрытие Арктики космической связью. В то же время все арктические государства вкладывают значительные средства в модернизацию арктических войск, технологий, техники и вооружений.

К основным угрозам военной безопасности России в Арктике следует отнести: наращивание военной инфраструктуры и размещение войск США/НАТО в Финляндии и Норвегии, в непосредственной близости к военным и промышленным объектам РФ на Кольском полуострове; формирование антироссийского блока скандинавских государств для военных действий под управлением НАТО; фактическое включение Арктики в зону ответственности альянса; масштабную модернизацию вооруженных сил арктических держав; усиление за счет Финляндии позиций НАТО в Балтийском регионе, примыкающем к Российской Арктике; активизацию военно-морской деятельности стран НАТО в арктических морях.

Военно-стратегическая ситуация в Арктике характеризуется не только усилением рисков эскалации, но и возрастанием неопределенности. Тренд на стабилизацию возникнет по мере завершения перераспределения сил в глобальном масштабе и реорганизации мирового порядка на новых, «постзападных» принципах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евменов Н.А., Пучнин В.В., Ещенко Я.В. Основные тенденции изменения характера и содержания военных угроз Российской Федерации с океанских и морских направлений // Военная мысль. 2023. № 5. С. 19–25.

2. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряженности и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79.

3. Конышев В.Н. Арктика на грани гибридной войны? // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165.

4. Конышев В.Н., Парфёнов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 46–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.

5. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Новое вино в старых мехах? Об арктической стратегии Дж. Байдена // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 77–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73.

6. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111.

7. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американское научное сотрудничество в Арктике в эпоху геополитической турбулентности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 1. С. 138–144. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.1.12.

8. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 2. С. 353–368. DOI: 10.24891/ni.13.2.353.

9. Костенко А.Н. Национальная безопасность России и вызовы нового времени // Военная мысль. 2024. № 1. С. 6–14.

10. Мажуга С.Н., Толстых В.В. Характерные особенности современных международных отношений и их влияние на сотрудничество между государствами // Военная мысль. 2023. № 9. С. 6–20.

11. Плевако Н.С. Президентские выборы в Финляндии 2024 г. // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 7 (339). С. 44–50.

12. Синчук Ю.В., Журавель В.П. Арктика: НАТО contra Россия // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 113–120.

13. Сюзпин Ц., Печерица В.Ф. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 57–68.

14. Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127.

15. Трунов Ф.О. Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117.

16. Цюй С., Печерица В.Ф., Ло С. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности российского Севера // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 57–68. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).57-68.

17. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 10. С. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.

18. Чуркин И.П. Обеспечение безопасности Северного морского пути силами оперативного объединения ВВС и ПВО Северного флота // Военная мысль. 2023. № 9. С. 38–44.

19. Bertelsen R. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy // The global Arctic handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. P. 251–269.

20. Byers M. International law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

21. Chivvis C. Hybrid war: Russian contemporary political warfare // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. Vol. 73. No. 5. P. 316–321.

22. Gjørv G. Security and geopolitics in the Arctic: The increase of hybrid threat activities in the Norwegian High North. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2024. Available at: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2024/03/20240327-Hybrid-CoE-Working-Paper-30-Security-and-geopolitics-in-the-Arctic-WEB-corr.pdf> (accessed: 01.03.2024).

23. Götz E., Staun J. Why Russia attacked Ukraine: Strategic culture and radicalized narratives // Contemporary Security Policy. 2022. Vol. 43. No. 3. P. 482–497. DOI: 10.1080/13523260.2022.2082633.

24. Harjanne A., Muilu E., Smith H. Helsinki in the era of hybrid threats — hybrid influencing and the city. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2018. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Helsinki-in-the-era-of-hybrid-threats-%E2%80%93-Hybrid-influencing-and-the-city_ENG.pdf (accessed: 01.03.2024).

25. Kavanagh E. Arctic governance: An analysis of a treaty-based cooperation hypothesis // Spanish Yearbook of International Law. 2024. No. 27. P. 257–265.

26. Mälksoo M. The postcolonial moment in Russia's war against Ukraine // Journal of Genocide Research. 2022. Vol. 25. No. 3–4. P. 471–481. DOI: 10.1080/14623528.2022.2074947.

27. Menzel M. Countering hybrid threats with air power? Making true sense of the 'hybrid war' concept // The Journal of the JAPCC. 2018. Ed. 26. P. 80–85. Available at: https://www.japcc.org/wp-content/uploads/JAPCC_J26_screen.pdf (accessed: 17.07.2024).

28. Mikkola H. The geostrategic Arctic: Hard security in the High North. FIIA Briefing Papers. № 259. Helsinki: Finnish Institute of Foreign Affairs, 2019.

29. Nuclear energy and the current security environment in the era of hybrid threats. Research report. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Nuclear-Research-Report-2019_web.pdf (accessed: 11.05.2024).

30. Paul M. U.S. Arctic security policy: North American Arctic strategies, Russian hubris and Chinese ambitions // SWP Comments. 2023. No. 40. P. 1–8. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/279928/1/1853037338.pdf> (accessed: 16.05.2024).

31. Tingstad A., Savitz S., Sacks B. Report on the Arctic capabilities of the U.S. Armed Forces. Homeland Security Operational Analysis Center. Santa Monica: RAND, 2023.

32. Treverton G., Thvedt A., Chen A. Addressing hybrid threats. Stockholm: Swedish Defense University, 2018.

REFERENCES

1. Evmenov N.A., Puchnin V.V., Eshchenko Ya.V. 2023. Osnovnye tendentsii izmeneniya kharaktera i sodержaniya voennykh ugroz Rossiiskoi Federatsii s okeanskikh i morskikh napravlenii [Main trends in the changing nature and content of military threats to the Russian Federation from oceanic and naval directions]. *Voennaya 'mysl'*, no. 5, pp. 19–25. (In Russ.)

2. Zagorskii A.V., Todorov A.A. 2021. Voенно-politicheskaya obstanovka v Arktike: ochagi napryazhennosti i puti deeskalatsii [Military-political situation in the Arctic: Hotspots of tension and ways of de-escalation]. *Arktika i Sever*, no. 44, pp. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79. (In Russ.)

3. Konyshhev V.N. 2020. Arktika na grani gibridnoi voiny? [Is the Arctic on the brink of a hybrid war?]. *Arktika i Sever*, no. 40, pp. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165. (In Russ.)

4. Konyshhev V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibridnye voiny: mezhdumifom i real'nost'yu [Hybrid wars: Between myth and reality]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 12, pp. 46–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. (In Russ.)

5. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2023. Novoe vino v starykh mekhakh? Ob arkticheskoi strategii Dzh. Baidena [New wine in old skins? On the Biden administration's Arctic strategy]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 7, pp. 77–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73. (In Russ.)

6. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2018. Rossiisko-amerikanskie otnosheniya v Arktike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? [U.S. — Russia relations in the Arctic: Cooperation or competition?]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 9, pp. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111. (In Russ.)

7. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2024. Rossiisko-amerikanskoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike v ehpokhu geopoliticheskoi turbulentnosti [Russian-

American scientific cooperation in the Arctic in the age of geopolitical turbulence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 29, no. 1, pp. 138–144. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.1.12. (In Russ.)

8. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2017. Sovremennaya voennaya strategiya Norveгии v Arktike i bezopasnost' Rossii [Contemporary military strategy of Norway in the Arctic and the security of Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, vol. 13, no. 2, pp. 353–368. DOI: 10.24891/ni.13.2.353. (In Russ.)

9. Kostenko A.N. 2024. Natsional'naya bezopasnost' Rossii i vyzovy novogo vremeni [Russia's national security and modern challenges]. *Voennaya mysl'*, no. 1, pp. 6–14. (In Russ.)

10. Mazhuga S.N., Tolstykh V.V. 2023. Kharakternye osobennosti sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii i ikh vliyanie na sotrudnichestvo mezhdu gosudarstvami [The characteristics of contemporary international relations and their impact on cooperation between states]. *Voennaya mysl'*, no. 9, pp. 6–20. (In Russ.)

11. Plevako N.S. 2024. Prezidentskie vybory v Finlyandii 2024 g. [Presidential elections in Finland 2024]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, no. 7 (339), pp. 44–50. (In Russ.)

12. Sinchuk Yu.V., Zhuravel' V.P. 2017. Arktika: NATO contra Rossiya [Arctic: NATO contra Russia]. *Geopolitika i bezopasnost'*, no. 3, pp. 113–120. (In Russ.)

13. Xueping C., Pecheritsa V. 2024. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti [Militarization of the Arctic and security enhancement issues]. *Rossiisko-kitajskie issledovaniya*, vol. 8, no. 1, pp. 57–68.

14. Todorov A.A. 2020. Shpitsbergen v kontekste voennoi bezopasnosti v Arktike [Svalbard in the context of Arctic security]. *Arktika i Sever*, no. 39, pp. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127. (In Russ.)

15. Trunov F.O. 2024. Osobennosti i perspektivy strategicheskogo proniknoveniya NATO v Arktiku: norvezhskoe napravlenie [Features and perspectives of NATO's strategic penetration into the Arctic: The Norwegian dimension]. *Arktika i Sever*, no. 54, pp. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117. (In Russ.)

16. Tsyui S., Pecheritsa V.F., Lo S. 2024. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti rossiiskogo Severa [Militarisation of the Arctic and problems of strengthening the security of the Russian North]. *Rossiisko-kitajskie issledovaniya*, vol. 8, no. 1, pp. 57–68. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).57-68. (In Russ.)

17. Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov A.L., Yakutova U.V. 2023. Posledstviya vstupleniya Finlyandii i Shvetsii v NATO dlya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Finland and Sweden joining NATO: Consequences for Russia's national security]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 10, pp. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29. (In Russ.)

18. Churkin I.P. 2023. Obespechenie bezopasnosti Severnogo morskogo puti silami operativnogo ob"edineniya VVS i PVO Severnogo flota [Protection of the Northern Sea route by the air force and the anti-aircraft operational group of the Northern Fleet]. *Voennaya mysl'*, no. 9, pp. 38–44. (In Russ.)

19. Bertelsen R. 2019. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy. In: Finger M., Heininen L. (eds.). *The global Arctic handbook*. Cham, Springer, pp. 251–269.

20. Byers M. 2013. *International law and the Arctic*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Chivvis C. 2017. Hybrid war: Russian contemporary political warfare. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 73, no. 5, pp. 316–321.

22. Gjorv G. 2024. *Security and geopolitics in the Arctic: The increase of hybrid threat activities in the Norwegian High North*. Helsinki, The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2024/03/20240327-Hybrid-CoE-Working-Paper-30-Security-and-geopolitics-in-the-Arctic-WEB-corr.pdf> (accessed: 01.03.2024).

23. Götz, E., Staun, J. 2022. Why Russia attacked Ukraine: Strategic culture and radicalized narratives. *Contemporary Security Policy*, vol. 43, no. 3, pp. 482–497. DOI: 10.1080/13523260.2022.2082633.

24. Harjanne A., Muilu E., Smith H. 2018. *Helsinki in the era of hybrid threats — hybrid influencing and the city*. Helsinki, The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Helsinki-in-the-era-of-hybrid-threats-%E2%80%93-Hybrid-influencing-and-the-city_ENG.pdf (accessed: 01.03.2024).

25. Kavanagh E. 2024. Arctic governance: An analysis of a treaty-based cooperation hypothesis. *Spanish Yearbook of International Law*, no. 27, pp. 257–265.

26. Mälksoo M. 2022. The postcolonial moment in Russia's war against Ukraine. *Journal of Genocide Research*, vol. 25, no. 3–4, pp. 471–481. DOI: 10.1080/14623528.2022.2074947.

27. Menzel M. 2018. Countering hybrid threats with air power? Making true sense of the 'hybrid war' concept. *The Journal of the JAPCC*, ed. 26, pp. 80–85. Available at: https://www.japcc.org/wp-content/uploads/JAPCC_J26_screen.pdf (accessed: 17.07.2024).

28. Mikkola H. 2019. *The geostrategic Arctic: Hard security in the High North*. FIIA Briefing Papers. № 259. Helsinki, Finnish Institute of Foreign Affairs.

29. *Nuclear energy and the current security environment in the era of hybrid threats*. 2019. Research Report. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Nuclear-Research-Report-2019_web.pdf (accessed: 11.05.2024).

30. Paul M. 2023. U.S. Arctic security policy: North American Arctic strategies, Russian hubris and Chinese ambitions. *SWP Comments*, no. 40, pp. 1–8.

Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/279928/1/1853037338.pdf> (accessed: 16.05.2024).

31. Tingstad A., Savitz S., Sacks B. 2023. *Report on the Arctic capabilities of the U.S. Armed Forces*. Homeland Security Operational Analysis Center. Santa Monica, RAND.

32. Treverton G., Thvedt A., Chen A. 2018. *Addressing hybrid threats*. Stockholm, Swedish Defense University.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2024;
принята к публикации 26.09.2024

The paper was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 26.09.2024